

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛАВРОВА ЛИТЕРАТУРНОМУ ФОНДУ ХОДАТАЙСТВОВАТЬ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

ПИСЬМА К. Д. КАВЕЛИНА К П. Л. ЛАВРОВУ И Е. П. КОВАЛЕВСКОМУ

Сообщение Ш. М. Левина

В дневнике А. В. Никитенко под 6 марта 1865 г. записано: «Философ Лавров предлагал Литературному фонду просить правительство о помиловании Чернышевского или о смягчении его участи. Фонд отказался ходатайствовать»¹. По свидетельству редактора и комментатора новейшего издания этого дневника — И. Я. Айзенштока, упоминаемое Никитенко предложение Лаврова не отразилось в протоколах комитета Литературного фонда². М. Н. Чернышевский отметил (возможно, на основании сообщения Никитенко, а может быть, и по семейному преданию) в своем «Библиографическом указателе статей о Н. Г. Чернышевском и о его сочинениях», приложенном к последнему тому выпущенного им собрания сочинений своего отца: «Предложение Лаврова в Литературном фонде ходатайствовать об освобождении Чернышевского»³. То же самое повторено М. Н. Чернышевским и в отдельном издании указателя⁴. Оба раза М. Н. Чернышевский давал ссылку на сборник, посвященный двадцатипятилетию Литературного фонда, изданный в 1883 г. (без указания страниц). Между тем первый юбилейный сборник Литературного фонда вышел в свет в конце 1884 г., но в известных нам экземплярах нет никакого упоминания по вопросу о Чернышевском⁵.

Известно, что этот эпизод нашел в свое время отражение в текущем делопроизводстве III Отделения. В книге «Материалы для биографии П. Л. Лаврова» (1924) А. А. Шилов, публикуя сводку агентурных донесений секретных сотрудников III Отделения о Лаврове, поместил среди других материалов и «Справку о полковнике Лаврове» от января 1866 г. В ней под № 7 значилось: «В одном из бывших в начале 1865 г. собраний общества Литературного фонда Лавров предложил выдать денежное пособие Чернышевскому и ходатайствовать у правительства о пересмотре его дела, решенного будто бы незаконно и явно пристрастно. Но председатель общества отклонил предложение Лаврова»⁶. Исходя из того, что в дневнике Никитенко предложение Лаврова было отмечено 6 марта, А. А. Шилов понял, что и само предложение было внесено в этот день. Но, судя даже отчасти по редакции самой записи Никитенко, а в особенности по не опубликованным до сих пор письмам Кавелина, о которых идет речь ниже, Никитенко узнал и записал факт с опозданием.

Кавелин касается интересующего нас вопроса в двух письмах от 8 февраля 1865 г., из которых одно адресовано Лаврову, а другое — председателю Литературного фонда Егору Петровичу Ковалевскому⁷.

В своем обращении к Лаврову Кавелин писал:

«Очень мне досадно, что выполнением дворянских обязанностей, именно уплатою процентов Опекунскому совету за заложенное имение, я был лишен возможности и удовольствия видеться с вами и переговорить лично. У нас сегодня свой Комитет по Министерству финансов⁸ и потому не могу быть у Ковалевского. Но заеду к нему в 6 часов и если не застану, то составлю записку с убедительнейшей просьбой сделать, что может. Несчастный Чернышевский! — Для успеха дела настоятельно советую вам не делать этого вопроса предметом комитетских обсуждений и заявлений. Последние, напротив, могут существенно повредить страдальцу. Во всех отношениях лучше и вернее вести это дело *совершенно* частным образом чрез Ковалевского, который — я ни одну минуту не сомневаюсь в этом — будет распинаться, чтобы помочь несчастному»⁹.

Личная встреча с Ковалевским, очевидно, не состоялась, и Кавелин оставил ему следующее письмо:

Глубокоуважаемый Егор Петрович!

Вести о Чернышевском крайне печальные. Он крайне, *безнадёжно* болен и находится в таком месте, где нет ни помещения, ни пищи, ни ухода, нужных для больного. В 50-ти верстах от теперешнего места его ссылки все это есть. Не можете ли вы попросить кн. Долгорукова, чтоб его перевели, несчастного, в это последнее место? Вопрос этот хотят предложить сегодня в общем заседании старого и нового комитета и ревизионной комиссии Литературного фонда. Мне бы казалось это неловким, потому что вопрос вовсе не комитетский. Но тем энергичней, тем сильней можно и должно просить об этом снисхождении к несчастному Чернышевскому частным образом, и никто лучше и успешнее не в состоянии этого сделать, как вы. И ваше положение в обществе, и служба, и ваш характер, так сказать, литературного старосты¹⁰ дают вам полную возможность просить о смягчении страданий, может быть последних, человека, которого вы знали. — Просить вас об этом нечего, потому что в такого рода делах никому не приходится побуждать вас. Вы всегда сами, слушаясь внушений вашего доброго сердца, идете вперед всякой просьбы. Я только заявляю, что знаю о судьбе страдальца, о котором вас будут просить сегодня ввечеру. К величайшему горю, у меня сегодня Каботный комитет с 7-ми часов. Попробую повидаться с вами в 6 или в 7-м. Если же не застану, то оставлю эту записку. Будьте здоровы. Душевно преданный и глубоко почитающий вас

К. Кавелин

В то время, к которому относятся эти письма, Чернышевский, как известно, находился в Кадае (Забайкальская область, Нерчинский горный округ). Он был доставлен туда в августе 1864 г. и ввиду тяжелого состояния здоровья помещен под караулом в лазарет, где содержался шесть месяцев — до января 1865 г.¹¹ Вопрос о Чернышевском был поставлен в Литературном фонде приблизительно в те недели, когда Чернышевский вышел из лазарета. Были ли в Петербурге в точности известны тогда подробности об условиях пребывания Чернышевского на каторге в Забайкалье, трудно сказать. Письма Чернышевского этого времени не сохранились. Отрывочные сведения о Чернышевском в письмах из Петербурга в Саратов членов семьи Пыпиных отличаются сравнительно (а иногда даже весьма) оптимистическим характером¹². Так, П. Н. Пыпина 11 февраля 1865 г. сообщала родителям в связи с получением письма от Чернышевского: «Он здоров так, что желает всем нам такого здоровья»¹³. Но, видимо, в столицу доходили и известия, более отвечающие действительному положению вещей, — известия, исходившие не от самого Чернышев-

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ НА КАТОРГЕ

Портрет маслом польского
художника А. Сохачевского

Фрагмент картины «Прощание
с Европой», 1883—1887 гг.

Исторический музей, Варшава

ского¹⁴. Эти тревожные сообщения, вероятно, и легли в основу письма Кавелина к Ковалевскому, причем непосредственным информатором Кавелина в данном случае мог явиться Лавров.

Лавров именно и был, судя по всему, инициатором (бесспорно, по крайней мере, официальным инициатором) возбуждения вопроса в Литературном фонде о помощи Чернышевскому. Имеющиеся скудные источники о содержании предложения Лаврова совпадают, как мы видели, не вполне. Никитенко говорит о «помиловании Чернышевского или о смягчении его участи», М. Н. Чернышевский более или менее сходно — об «освобождении Чернышевского», агентура III Отделения — о денежном пособии и пересмотре дела. В письме Кавелина к Ковалевскому, однако, идет речь всего лишь о необходимости перевода Чернышевского в место, более отвечающее состоянию его здоровья. Ясно только, что этот вопрос принимал — в той или иной степени — характер пусть негласного, но общественного выступления и даже — если верить данным III Отделения — прямо протеста (ходатайство о пересмотре дела Чернышевского, как решенного «незаконно» и «явно пристрастно»). Ясно и то, что Кавелин, готовый содействовать хлопотам об облегчении участи «несчастного страдальца», опасался всяких попыток придать делу общественный характер и уговаривал вести его исключительно частным («приватным») образом.

К сожалению, остается пока неизвестным, как протекало дело в Литературном фонде 8 февраля 1865 г.¹⁵, было ли председательствующим Ковалевским допущено его формальное (или хотя бы неформальное) обсуждение, соответствует ли действительности утверждение Никитенко,

что Фонд (именно Фонд как таковой) отказался ходатайствовать, и не вернее ли — как мы склонны думать — указание справки III Отделения, что лично председатель «отклонил предложение Лаврова». Нет также сведений о том, согласился ли Ковалевский хотя бы с просьбой Кавелина принять на себя частное — и более чем скромное — ходатайство перед главным начальником III Отделения кн. В. А. Долгоруковым. Во всяком случае, каких-либо изменений в положении Чернышевского не последовало.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. В. Никитенко. Дневник в трех томах, т. II. 1858—1865. Гослитиздат, 1955, стр. 501.

² Там же, стр. 643.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, ч. 2. СПб., 1906, раздел «Приложения», стр. 135.

⁴ «О Чернышевском. Библиография. 1854—1910». Составил М. Н. Чернышевский. Изд. 2, исправл. и значит. дополненное. СПб., 1911, стр. 20.

⁵ «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884 (предисловие датировано ноябрем 1884 г.).

⁶ «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Под ред. П. Витязева, вып. 1. Пг., 1921, стр. 87.

⁷ Письмо К. Д. Кавелина к П. Л. Лаврову хранится в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ф. 198, П. Л. Лаврова, оп. 4, ед. хр. 201); письмо его же к Е. П. Ковалевскому — в Рукописном отделе ГПБ (архив Е. П. Ковалевского, ед. хр. 10, лл. 10—11).

⁸ По возвращении в конце 1864 г. из-за границы, Кавелин работал, на началах частного найма, в Департаменте неокладных сборов Министерства финансов, возглавлявшемся его другом К. К. Гротом.

⁹ Во второй половине письма Кавелина к Лаврову говорилось: «Деньги за билет, 12 руб., я передал Утину <очевидно, Борису Исааковичу.— Ш. Л.> с просьбой вручить их вам. Дела у меня, Петр Лаврович, так много, и казенного и своего домашнего, что, к величайшему прискорбию, я могу только денежными взносами способствовать делу, которому всячески и во всех отношениях вполне сочувствую. Поэтому отказываюсь даже от кандидатства на члены контролирующего комитета, в котором не могу принимать деятельного участия по недостатку времени; а считаться членом не хочу. У нас только тогда и пойдут порядочно общественные предприятия, когда должности перестанут быть синеккурами и почетом и станут наполняться людьми действительно работающими. Я на свою долю твердо решил держаться этого правила, хоть в отношении к себе». Здесь могла идти речь об «Обществе поощрения женского труда», от носительно устройства которого тогда усиленно хлопотал Лавров.

¹⁰ Егор Петрович Ковалевский (1811—1868), исследователь-путешественник и дипломат, бывший директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, потом член Совета этого Министерства и сенатор, являлся с основания Литературного фонда его председателем.

¹¹ А. М. Черников. Н. Г. Чернышевский в Сибири. (Годы каторги и ссылки). Чита, 1955, стр. 16—17; Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 339—345.

¹² «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», вып. 1. СПб., 1912, стр. XVI—XVII; Н. М. Чернышевская. Указ. соч., стр. 342 и след.

¹³ Н. М. Чернышевская. Указ. соч., стр. 345.

¹⁴ Е. Н. Пыпина, сообщая 25 марта 1865 г. родителям, что от Чернышевского «не особенно давно, но и не особенно недавно было известие», добавляла: «Не от него прямо тоже случилось слышать о нем» (Н. М. Чернышевская. Указ. соч., стр. 346).

¹⁵ В комитет Литературного фонда двух составов, о которых говорит в письме к Ковалевскому Кавелин, входили в 1864—1865 и 1865—1866 гг.: Е. П. Ковалевский, Б. И. Утин, В. П. Гаевский, Ф. М. Достоевский, К. Д. Кавелин, В. Ф. Корш, Н. А. Некрасов, П. П. Пекарский, А. Н. Пыпин, Я. К. Грот и др. («Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909». СПб., 1910, стр. 73).